

О. О. Графутко (Минск, МГЛУ)

**СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ ГОВОРЯЩЕГО
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

Статья посвящена лексическим средствам репрезентации героями собственных эмоций и особенностям их функционирования в прямой речи. Выявлены ведущие семантические классы эмотивной лексики в дискурсе на двух языках. Определена частеречная представленность единиц, отражающих эмоции говорящего, и прагматические функции содержащих их эмотивных высказываний.

Одной из ключевых характеристик художественного дискурса является фикциональность, ведь художественное произведение рождается в воображении писателя [1]. При этом, сталкиваясь с подобным текстом, как читатель, так и исследователь допускают, что представляемые в нем ситуации, отношения между героями, их цели и эмоции если не реальны, то хотя бы соотносимы с реальными и строятся по тем же правилам [2]. Следовательно, художественный дискурс полноправно можно назвать «депозитарием имен эмоций и эмоциональных ситуаций» [3, с. 65], что делает его интересным и актуальным научным объектом.

Цель данной работы – выявить лексические средства передачи эмоций говорящего и установить особенности их функционирования в речи героев произведений художественного дискурса на английском и белорусском языках. Материалом послужили эмотивные единицы, отобранные методом сплошной выборки из прямой речи персонажей современных романов («The New Republic» Л. Шрайвер; «Purity» Дж. Франзена; «Перакулены час», «Марыянэтка і лялькаводы» М. Южыка; «Цень анела» М. Клімковіча, У. Сцяпана) и составившие 994 словоупотребления на английском языке и 852 на белорусском.

Под прямой речью понимается «передача письменных или устных слов одного из персонажей в их буквальном виде, с сохранением всех языковых особенностей его речи, а также *эмоциональных оттенков выражения* (курсив наш. – О. Г.)» [4, с. 98], соответственно, единицы для анализа выбирались из устных и письменных (текстовые сообщения, письма) высказываний, а также из особо маркированных отрывков, репрезентирующих мысли героев.

Прежде всего были рассмотрены семантические классы, к которым принадлежат эмотивные лексемы, встретившиеся в прямой речи и свидетельствующие об эмоциях говорящего (табл. 1). Выявлено, что в высказываниях героев англоязычных произведений преобладают единицы, *на зываю ш и е* эмоции, а в речи белорусскоязычных героев – лексемы, *в ы р а ж а ю ш и е* эмоции. Причиной этому, вероятно, являются различия между англо-американской и белорусской лингвокультурами. Представители первой более сдержаны в выражении своих эмоций [5], из-за чего в их речи чаще встречаются средства названия эмоций, семантика которых имеет значительную рациональную часть. Носители белорусского языка же более открыты в проявлении своих эмоций, поэтому в их речи сильные переживания чаще передаются средствами выражения.

Т а б л и ц а 1

Семантические классы эмотивной лексики при передаче говорящим собственных эмоций, %

	Англоязычный дискурс	Белорусскоязычный дискурс
Называют эмоции	60,7	29,2
Выражают эмоции	37,8	69,5
Описывают эмоции	1,5	1,3
ВСЕГО:	100	100

Если первые два класса естественны для прямой речи, на что указывает достаточно высокая их встречаемость, то класс лексем, *описывающих* эмоции, практически не употребляется говорящими для передачи собственных переживаний: *Ды я, нібы хлапец, ад шчасця трыміцеў* [6, с. 38]. Когда подобные

единицы появляются в высказываниях героя, то они чаще обозначают эмоциональную реакцию, пережитую в прошлом и к моменту речи уже рационально осмысленную адресантом.

Анализ также показал, что для речи персонажей не характерно прямое название собственных эмоций, т. е. употребление существительных-имен эмоций, как в следующем примере: *The only thing I feel is **sadness*** ‘Я чувствую только *грусть*’ [7, р. 489]. Доля таких единиц составила 3,92 % от всех рассмотренных словоупотреблений в англоязычной выборке и 3,87 % в белорусскоязычной. Говорящие отдают предпочтение косвенным средствам названия эмоций, в частности, однокоренным с именем эмоции словам из т. н. класса условной эквивалентности (*worry* ‘беспокойство’ – *to worry* ‘беспокоиться’ – *worried* ‘обеспокоенный’ – *worrisome* ‘беспокоящий’).

Употребительность различных частей речи для передачи героем своих переживаний (табл. 2) зависит от ряда условий. Вследствие широкой представленности в англоязычной выборке единиц, *называющих* эмоции, в прямой речи выявлено доминирование прилагательных, во многом обусловленное ключевой ролью в трансляции эмоций говорящего конструкции «S+V+Adj_{emot}»: *I (S) am (V) **regretful** (Adj_{emot}) about the incident, and **relieved** (Adj_{emot}) that no one was killed* ‘Я *сожалею* о происшествии и *рад*, что никто не погиб’ [8, р. 311]. Обратим также внимание на наречия – в речи героев белорусскоязычных романов они значительно более распространены, часто выполняя роль предиката в высказываниях, называющих эмоцию говорящего (*І **страшна** зрабілася мне, Марына!* [6, с. 103]), в то время как немногочисленные наречия из англоязычной выборки являются преимущественно сентенциальными (***thankfully** they’re a fairly feckless lot* ‘к счастью, они мало что могут сами’ [7, р. 195]).

Таблица 2

Частеречная представленность эмотивной лексики
в прямой речи персонажей, %

	Англоязычный дискурс	Белорусскоязычный дискурс
Существительное	17,8	49,2
Прилагательное	54,3	14,2
Глагол	14,3	19
Наречие	1,7	7,2
Устойчивое выражение	3,9	3,5
Междометие	8	6,7
Союз	–	0,2
ВСЕГО:	100	100

Преобладающей частью речи для прямой речи на белорусском языке являются существительные, что также связано с наиболее представленным семантическим классом эмотивной лексики – единицами, выражающими эмоции. Герои белорусскоязычных романов широко используют стилистически сниженную лексику, ярко транслирующую их эмоции, причем нередко она представляет собой вульгарные названия людей или окружающих объектов: *Хай чуе, такая **дрэнь**, хто ён ёсць! Дармаед! Нягоднік!! Скаціна!!!* [9, с. 172].

Анализ прагматических функций высказываний героев о собственных эмоциях позволил выявить, что в подавляющем большинстве случаев в них сообщается:

1) о наличии эмоции при помощи лексических единиц разных семантических классов: эмоциональное переживание

- называется (*нязнаная радасць распірае мае грудзі* [9, с. 166]);
- описывается (*гэта адзіны спосаб сказаць табе ўсё неабходнае, каб не захлігнуцца ад слёз* [6, с. 222], где слезы – описательное средство, указывающее на печаль);
- выражается (*A lousy ten million pound!* ‘Жалкие десять миллионов фунтов!’ [8, р. 327] – выделенное прилагательное является вариантом реализации смысла «Я зол»);

2) о потенциальном переживании эмоции (*ды каб ён меў да малявання ахвоту, я б толькі ўсцешаны быў* [6, с. 99]) (табл. 3).

Таблица 3

Прагматические функции эмотивных высказываний,
передающих эмоции говорящего, %

	Англоязычный дискурс	Белорусскоязычный дискурс
Констатация наличия эмоции	94,5	96,8
Отрицание переживания эмоции	4,4	2,8
Призыв не вызывать/испытывать эмоцию	0,2	0,1
Вопрос об отсутствии эмоции	0,2	–
Вопрос о переживании эмоции	0,7	0,3

Высказывания, в которых герой не признает у себя наличие вербализуемой эмоции, интересны с точки зрения способов передачи отрицания. Простейшим из них является отрицательная частица при сказуемом: *раскаянне мяне не мучыць* [9, с. 85]. Отрицание может иметь лексический характер (*I'm the opposite of angry* ‘Я нисколько не сержусь, ровно наоборот’ [7, р. 245]) или никак не вербализовываться, присутствуя в высказывании лишь имплицитно:

“*Sorry. I didn't mean to embarrass you.*”

“*Embarrass me! Hell, Nick.*”

– Прости. Не хотела смутить тебя.

– *Смутить меня!* Черт, Ник’ [8, р. 245] – ответная реплика *Embarrass me!* ‘Смутить меня!’ должна быть интерпретирована как «Я не смущен».

В художественном дискурсе герой может призывать себя не испытывать некоторую эмоцию, хотя подобные употребления крайне нехарактерны для прямой речи: *Гэта мне падалося, гэта проста ад нерваў... не трэба хвалявацца* [6, с. 120]. Примечательно, что говорящий может рассматривать себя как собственного собеседника и вербализовывать эмоции в высказываниях с местоимением *you/ты*: *You're prone to fanciful thinking right now, because you're jittery* ‘Ты понапридумывал себе всякого, потому что *напуган*’ [8, р. 306].

Обращенные к себе вопросы об отсутствии или наличии эмоций в прямой речи персонажей также являются низкочастотными, т. к. задаются с целью получить информацию об эмоции, которую говорящий и так должен осознавать, потому что сам ее и переживает. Исключение составляют случаи, когда речь идет о потенциальном переживании, которое должен или не должен испытывать персонаж, причем соответствующее высказывание не обязательно оформлено как вопрос: *So I don't have to worry about you taking my story and putting it in a novel* 'Значит, я могу не бояться, что вы используете мою историю в своем романе' [7, р. 308] – героиня имплицитно задает вопрос о том, начинать ли ей беспокоиться.

Таким образом, анализ эмотивной лексики в речи героев художественных произведений показал, что наиболее употребимым семантическим классом для англоязычного дискурса является класс лексем, называющих эмоции, а для белорусскоязычного – выражающих, что объясняется различиями в степени открытости/сдержанности при экспликации эмоций представителей двух лингвокультур. Преобладание прилагательных в англоязычной выборке и существительных – в белорусскоязычной связано с наиболее распространенными семантическими классами эмотивной лексики в дискурсе на двух языках. Употребительность разных частей речи также зависит от характерных для исследуемых языков синтаксических моделей эмотивных высказываний. Выявлено, что в дискурсе на обоих языках герои преимущественно констатируют переживаемые эмоции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асратян, З. Д. Дискурс художественного произведения [Электронный ресурс] / З. Д. Асратян. – Режим доступа : http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_3-1_06.pdf. – Дата доступа : 20.05.2019.
2. Романов, Д. А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований (на материале русского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Д. А. Романов. – Белгород, 2004. – 48 с.
3. Шаховский, В. И. Эмоции: долилингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М. : URSS : Либроком, 2010. – 124 с.
4. Домашнев, А. И. Интерпретация художественного текста / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. – 2-е изд., дораб. – М. : Просвещение, 1989. – 208 с.
5. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – Москва : Рукописные памятники Древней Руси А. Кошелев, 2009. – 507 с.
6. Южык, М. Марыянеткі і лялькаводы [Электронный ресурс] / М. Южык. – Режим доступа : http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=16458. – Дата доступа : 07.04.2017.
7. Franzen, J. Purity : A Novel / J. Franzen. – N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2015. – 492 p.
8. Shriver, L. The New Republic : A Novel / L. Shriver. – N. Y. : Harper Perennial, 2012. – 359 p.
9. Южык, М. Перакулены час [Электронный ресурс] / М. Южык. – Режим доступа : http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=16459. – Дата доступа : 12.04.2017.

The article deals with lexical means used by fictional characters in direct speech to make their emotions known as well as with some peculiarities of their use. We look at main semantic classes of lexical means and analyze which parts of speech most commonly represent them in English and Belarusian fictional discourse. Pragmatic functions of emotive utterances are singled out.